

Л.И.Науменко,
ст. научный сотрудник
Института социологии НАН Беларуси,
кандидат психологических наук

**Диапазон проявлений чувства этнической идентичности:
от приверженности до нигилизма**

Следствием глобальных перемен, явившихся результатом распада СССР, оказалась распространенность в странах СНГ явлений социальной дезинтеграции, деидентификации, общего кризиса социальной идентичности, которые характеризуются явлениями массовой неудовлетворенности людей, чувствами опустошенности, страха, тревоги, изоляции, болезненного переживания смены мировоззрения, необходимости отказа от своей бывшей принадлежности к одной из ведущих держав мира, и, соответственно, от чувства принадлежности к ее народу.

Однако, сколь различным не было бы субъективное восприятие и переживание жителями постсоветских государств этих радикальных перемен, одинаково необратимыми для всех оказались их психологические последствия. Последние проявились в общем кризисе социальной идентичности, в переструктурировании иерархии ее основных элементов, в измененях (пороку радикальных) важности отдельных из них, в возникновении новых, полной утрате или смене некоторых из них.

При этом место и роль этнической компоненты в обновляющейся социальной идентичности¹ тоже претерпели существенные изменения. Изменилось и взаимоотношение между ее этнической и гражданской составляющими. Эти изменения по-разному затронули представителей титульных и нетитульных этносов.

Среди первых чувства этнической и гражданской принадлежности взаимоусиливали друг друга. Так, в условиях крупномасштабных трансформаций общества для представителей титульных этносов вновь созданных постсоветских государств этничность обрела роль одной из исконных, базовых, неизменных ценностей. Что и обусловило чрезмерное возрастание ее значения в обновляющейся социальной идентичности.

¹ Под социальной идентичностью понимается осознание индивидом своей принадлежности к определенным социальным группам и общностям (поло-возрастным, профессиональным, этническим, религиозным и др.).

В свою очередь, среди русскоязычного нетитульного населения этих государств, волею судьбы оказавшегося за пределами своей этнической Родины и поставленного перед проблемами неизбежного выбора своего гражданства, более распространенными оказались обратные тенденции. Для него этничность уже не могла выступать в качестве спасительной стабильной «точки опоры» в условиях стремительных исторических перемен. Более того, в ряде случаев в общем состоянии кризиса идентичности она начала играть свою, увы, усугубляюще негативную роль. Это нашло проявление как в возрастании сверхзначимости этнической идентичности при рассогласовании ее с чувством Родины и гражданской принадлежности, так и, наоборот, при амбивалентно-негативном восприятии этничности, в явлениях «отказа», «вытеснения» или замещения ее новой гражданской принадлежностью к стране своего проживания.

Результаты наших сравнительных этнопсихологических исследований, проведенных в Литве и Беларуси (1990 г.), а также в Беларуси (в 1993, 1994, 1996 гг.), отражают как специфику изменений этноидентичности, так и ее характерные особенности. Полученные данные позволили вскрыть широкий диапазон проявлений чувства этничности от глубокой этнической приверженности до нигилизма.

Опираясь на результаты названных исследований, ниже проиллюстрируем эти две противоположные тенденции более подробно.

Ярким проявлением актуализации и роста значимости этнической идентичности явились примеры стран Балтии, среди населения которых в годы перестройки был очевиден мощный всплеск этнического самосознания на фоне массовых проявлений психологии этницизма и этноцентризма, тесно взаимосвязанный с соответствующей идеологией и политикой этих государств.

Об этом свидетельствовали данные, выявленные еще в 1990 г. среди опрошенных литовцев. Эти явления нашли свое отражение в следующих феноменах этнического самосознания:

- высоко значимой позитивной этнической идентичности в ее тесной взаимосвязи с обостренным чувством Родины;
- конкретизированных эмоционально окрашенных представлениях о Родине и о новой, только возникшей гражданской принадлежности («гражданин независимой

Литвы», «гражданин свободной Литвы», «Любящий Литву», «сын литовского народа», «патриот Литвы» и др.);

- выраженных этнических аттитюдах и автостереотипах, свидетельствующих не только о позитивном этническом «Мы-образе», но и объединивших представления литовцев об актуальных чаяниях своего народа, о его единении, а также чувствах преданности и приверженности своему краю, стране, народу.

В ситуации обретения литовским народом своей государственной независимости, глубоко политизированная позитивная этническая идентичность в тесной слитности с чувством Родины и гражданской принадлежностью являла собой один из убедительных примеров своего действия в качестве эффективного консолидирующего фактора, в то же время выступая чувствительным показателем ярко выраженной этнической приверженности и этницизма.

Среди белорусов факт своей этнопринадлежности наиболее высоко оценивался студенческой и учащейся молодежью в сравнении с представителями более старшего возраста, среди которых проявилась отчетливая дифференциация оценок, свидетельствующая о противоположных позициях респондентов. Для одной части которых особо важно то, что они являются белорусами, а другая, наоборот, вполне индифферентно воспринимает это.

Интересно, что изменения этого показателя среди студенческой молодежи Беларуси имели позитивную динамику за период с 1990 по 1994 гг.

Наряду с этим обнаружено, что показатель субъективной значимости этнической принадлежности среди белорусов (по результатам исследования 1993 г.) оказался корреляционно связанным с такими критериями этнической самоидентификации, как язык, национальная культура, стремление к возрождению национальной культуры и языка, осознание своей этнической принадлежности, чувство привязанности к родной земле и др.

Причем, среди педагогов, родителей и студентов наиболее тесная корреляционная связь выявлена между показателем значимости этнопринадлежности и такими критериями самоидентификации, как язык, национальная культура и стремление к ее возрождению, то для школьников эти критерии уступали место таким, как осознание своей этнической

принадлежности, чувство привязанности к родной земле, общность происхождения и историческое прошлое.

Эти результаты демонстрируют значение позитивной актуализированной этноидентичности как мощного мотивационного фактора в отстаивании этнических интересов, в деятельности на ниве этнического возрождения. Очевидна также и роль этнической идентичности как важной составляющей, укрепляющей общую позитивную социальную идентичность, поддерживающей и «питающей» самоуважение и позитивное самовосприятие личности в целом.

С другой стороны, вторая противоположная тенденция трансформаций этнической идентичности нашла свое крайнее выражение в явлениях ее смены и утраты. В исследовании 1993 г. изучалась согласованность представлений респондентов об их осознаваемости и официальной этнической принадлежности. Помимо этого в дальнейшем опросе (опрос 1996 г.) нас интересовало то, каким образом негативные изменения этнической идентичности, проявляющиеся в явлениях этнической конвертации, затрагивают эмоциональную сферу человека, как они сопряжены с устойчивостью и определенностью его общего социального статуса.

Так, анализ согласованности представлений респондентов об их этнической принадлежности (официальной, «паспортной» и реально осознаваемой) позволил выделить такие типы этнической идентичности, как «целостная», «альтернативная». «двойственная или множественная», «утраченная (Л.И.Науменко, 1994). В своей совокупности они отражают последовательный процесс трансформаций этнического самосознания (и этнической идентичности, в частности), итогом которого выступает отказ человека от своей этничности.

Анализ распределения ответов, отражающих различную степень согласованности представлений об этнопринадлежности, показывает, что меньшая определенность представлений о собственной этнопринадлежности отличала небелорусов. И, соответственно, число носителей двойственной, утраченной и альтернативной этноидентичности в этих группах опрошенных являлось по сравнению с белорусами преобладающим.

Как показывают данные, явления смены либо утраты этноидентичности, так же как и проявления трудности, проблемности, проблемности этнического самоопределения, его изменения (либо незавершенность) чаще затрагивают

представителей этнических меньшинств, более подверженных действию факторов, влияющих на изменения этнического статуса, его неустойчивость или неопределенность. Последние могут быть обусловлены происхождением (межэтническим браком), последствиями миграции или иммиграции, радикальными крупномасштабными социально-политическими переменами, затрагивающими этнонациональные вопросы.

Какова же при этом психологическая сторона проблемы (изменений этноидентичности)?

В упоминавшемся выше исследовании (1996 г.) предпринята попытка поиска ответов на этот вопрос. В нем ставилась задача выявить, как соотносятся между собой чувства, обусловленные этнической принадлежностью, показатель значимости последней, а также соответствующие этносоциальные самоидентификации, оцениваемые респондентами по их приоритетности. Принципиально, что эти результаты получены среди белорусов, для которых проблемы, сопряженные с трансформациями этноидентичности все же стоят менее остро и болезненно в сравнении с представителями этнических меньшинств. Тем не менее, выявленные данные являются достаточно красноречивыми.

Использование корреляционного анализа¹ позволило определить следующие зависимости. Оказалось, что с различными самоидентификациями коррелируют вполне определенны^е чувства (позитивные и негативные по своей модальности), связываемые опрошенными с их собственной этничностью.

Интересно, что самоидентификация «я-потенциальный иммигрант» коррелировала преимущественно с чувствами неуверенности, сожаления, вины, неопределенности, неполноценности, тревоги, стыда, равнодушия и др. Помимо этого, получены коэффициенты корреляции с отрицательным знаком, свидетельствующие об обратной зависимости с такими переменными, как самоидентификациями «Я-белорус», «Я-житель Беларуси».

Статистически значимые корреляции также получены между самоидентификацией «Я-человек безразличный к своей национальной принадлежности» и такими переменными, как равнодушие, ответом: «по поводу национальной принадлежности «не испытываю никаких чувств». Коэффициенты корреляции с

¹ Для значений, полученных посредством семи- и пятибалльных шкал порядка, подсчитывались коэффициенты корреляции Кендалла Tau - b.

отрицательным знаком также получены между данной самоидентификацией и показателем значимости этнопринадлежности, чувствами гордости, достоинства, патриотизма, самоидентификациями «Я-гражданин Беларуси», «Я-типичный представитель своей национальности».

Самоидентификации, указывающие на противоречивость и проблемность этнического самоопределения, проявляющегося в двойственности или рассогласованности представлений о собственной этнической идентичности среди белорусов (а именно, в одновременном причислении себя к представителям двух или более национальностей): «Я-русский», «Я-еврей», «Я-украинец», «Я-поляк», «Я-литовец» также коррелировали с рядом негативных чувств, таких, как сожаление, вина, чувства неопределенности, стыда, униженности, неполноценности, ущемленности, равнодушия.

Установлено, что процессы негативных трансформаций этнической идентичности (ее смены и утраты) сопряжены с такими особенностями самоосознания и самовосприятия, как

- рассогласование представлений о своей этнической принадлежности (реально осознаваемой и официальной);
- противоречивость составляющих элементов социальной идентичности;
- превалирование амбивалентных или в целом негативных чувств, обусловленных собственной этничностью, в случаях проблемности этнического самоопределения.